

Диалог графа Николая Петровича Резанова с актером Николаем Петровичем Караченцовым

Независимая газ. — 1994. — 24 марта. — С. 7.

Марина Невзорова

Зеркало

И СЕЙЧАС таких спектаклей мало, а одиннадцать лет назад он был единственным.

«Юнона и Авось». Революция на театре. Глоток свободы.

Андрей Вознесенский, Алексей Рыбников, Марк Захаров «скроили» классическую театральную шинель, из которой вышли и поныне выходят все отечественные мюзиклы.

Одиннадцать лет идет «Юнона и Авось». И одиннадцать лет граф Николай Петрович Резанов ведет диалог со зрителем через своего тезку Николая Петровича Караченцова. Не быть может, впервые им предостается возможность поговорить друг с другом.

*Родилось рано наше поколение,
Чужда чужбина нам и скушен дом,*

*Расформированное поколение
Мы в одиночку к истине бредем.*

— Для меня поколение — не возраст, тем более, слава Богу, я до сих пор не ощущал своих лет. Это принадлежность ко времени, твоему времени — к тому, что в нем происходит. Я очень четко это ощущал, когда в космос полетел Гагарин и мы всем классом убеждали с уроков. Когда зрители ломали двери на спектакле «Тиль». Когда в августе 91-го театр Ленком пришел к Белому дому и толпа расступилась, пропуская нас. Тогда особенно остро почувствовал: я живу в этом времени, это мое поколение, и свой выбор я сделала.

Истина? Этот вопрос не для меня, я не философ. Но, думаю, вряд ли можно прийти к истине коллективно. К согласию, к разумному решению — да, но к истине... Все-таки именно одиночки толкают человечество к прогрессу. Иначе не может быть. Человек по природе своей обыватель. Инстинкт самосохранения не гонит его из дома на улицу, он держит дома, «уготовывая» пережить, пока они там разберутся. А граф Резанов — из одиночек. Казалось бы, ну уж чего ему-то рисковать! Он был один из богатейших людей России. То, что он долго пробивался к властям, — это художественный вымысел Андрея Андреевича. На самом деле, он был вхож в святая святых — где вершились судьбы России и мира. А туда допускались единицы. И сумасшедшая затея этого путешествия родилась именно там. Частично, правда, для того, чтобы вывести графа из депрессии, в которую он впал после смерти своей жены (ее он любил безумно). Но ведь он мог бы остаток своих дней предаться скорби в тиши поместий. Он сделал иной выбор. Шагнуть в темноту, куда никто, никогда. Такие одиночки есть в каждом поколении, они-то и дарят человечеству истину. Хотя в какой-то момент каждый человек чувствует себя одиноком, чувствует, что надо принимать решение и никто тебе не поможет.

Бывали такие моменты и у меня, рассказывать не буду. Но, когда принимаешь решение, ты делаешь шаг или шагжок к истине, не глобальной, но своей, пусть крошечной, но без которой дальше дороги нет.

Кроме того, есть истина, а есть то, что нам много лет выдавали за нее и мы, вобщем-то, верили. Они были иезуитски умы — идеологи большевизма. Недаром в основу морального кодекса советского человека заложили вечные заповеди: «Возлюби ближнего своего» — «Человек человеку — друг, товарищ и брат»... И мне нравится, что сегодня мы пытаемся добраться до сути этих истин. Мы постепенно осознаем, что человек — это одиночка, индивидуум, а не один из стада, которое гордо именовали коллективом. Это, наверное, великое завоевание сегодняшней эпохи. Другое дело, что этот исторический этап проходит коряво, уродливо, но пережить его мы должны. И то, что это выпало на нашу долю, на наше поколение, — счастье. Правда, что такое счастье — тоже вопрос, я не очень точно знаю, что это такое.

*Мы забыли, бранясь и пируя,
Для чего мы на землю попали,
Аллилуйя любви, Аллилуйя любви,*

Аллилуйя!

какая была первая реакция: стало очень жалко Калинина. Сработало комсомольское воспитание — как же он, бедный, мучился. А потом как обожгло: мы потеряли Пушкина, гения, потому что у него не было вопросов — задета честь, стреляться, и все. Так что же тебе, старому... простите, мешало сказать: я ее знаю всю жизнь, не может она быть врагом народа; упасть в колени усатому или сказать: раз так, я свое пожил, поспайте и меня вместе с ней, будем вместе как-нибудь мучиться. Нет, побоялся. Понимал: за этим смерть. Но ведь кто-то решал эти вопросы именно так. Мы Чайковского потеряли, потому что он получил писемцо: или вы уйдете из жизни, или позор. Позора быть не может. Вот как нам пробиться к этому?

Раньше для меня все было ясно. Когда меня спрашивали, какое главное качество в вас и какое вы цените, я отвечал: доброта. И не врал. И сейчас считаю, что оно весьма приятное, тем более что уже узнал и хамство, и ханжество... Я думал, что если человек открыт, непосредствен, добр — это замечательно. Тем более что без наивности не существует творца. Почему гении — вспомните Эйнштейна, Ландау, например, — всегда выглядят моложе своих

разные, тогда мы будем сильные. Это стало для меня сейчас тоже некой позицией, может быть, с некоторым опозданием. Удержаться на этой точке достоинства, не соскользнуть с нее, как это часто бывает — и у меня тоже. Потом я не сплю ночами, казно себя, спорю с кем-то до скандала, до слез. Что это значит? А то, что струсил, промолчал, а потом спохватился, да уж поздно, милый мой. Или ночью точно решил, как будешь себя вести, как разговаривать. Приходишь с утра белый весь, тебе говорят: сидеть. И сидишь. Да что же не стоишь, черт тебя побери?! Вот что это? Все просто — размыслился, растушевались за два века эти понятия, и ничего не стыдно. Да и заметьте, кстати, что само слово «позор» давно ушло из нашего лексикона. Позор мог только относиться к американской или израильской военщине, но никак не к нам, любимым.

*Мы дети полдорог,
Нам имя — полдорожье,
Почти никто из нас дороги не осилил,
Да и была ль она, дорога, впереди?*

Это, к сожалению, наш национальный характер. Мы начинаем строить дом, прекрасны наши замыслы, но потом что-то случается, и дом так и остается гнить недостроенным. Я знаю человека, который пошел выбрасывать мусор и вернулся домой через неделю. Ребят встретил, а у них день рождения, а потом в баню пошли... Это вроде примитивный пример, но очень показательный. Или: я понимаю, что строю великое здание, которое будет светочем культуры, и судьба моя, вся жизнь зависит от этого, и вдруг влюбляюсь в проститутку. Понимаю, что она мерзость, гниль, но ничего не могу с собой поделать и еду с ней на Камчатку. Что это такое?

Почему после стакана французского говорят о женщинах? Нет, наш тоже может потрендеть об этом, но на втором скажет: ну, что мы будем делать с Африкой? Что это? Поэтому тоска оцельности характера есть, видимо, и в некой самокритичности умирающего Резанова. Он такой же, он тоже это чувствует: «Я умираю от простой хворобы на полдороге к истине и чужу. На полдороге, победив почти...»

Мы разгильдяи. Мы, может, иногда и можем представить дорогу, но она в таких ритвинах и ухабах, что в какую-нибудь яму непременно угодим и там застрянем. И правители наши недалеко ушли от простого народа. Сегодня говорят одно, на другой день — совершенно противоположное. «Ой, я погорячился». Так ты сначала погорячился, а потом приходи к людям. Все надеемся на вековечное «авось», кривая выведет. Ан нет, не выводит. И все-таки:

*От угаров на наши плечи
Гнется земная ось,
Только наш позвоночник крепче,
Не согнемся, авось!*

Николай Караченцов в начале пути.

Я недавно сделал картину «Дорога к Пушкину». Это не биографическое произведение, не историческое, не очень даже сюжетное. Это не столько про Пушкина, сколько о Пушкине в нас. С рождения гения в целях поколений происходят какие-то изменения. Я уверен, что каждый, кто прочитал хотя бы одну его строку, стал на микрон культурнее, умнее, благороднее. Но пропасть в два века, видимо, непреодолима, и поэтому мы живем, не следуя заветам, они лежат в нас мертвым грузом. Как пробиться обратно к понятиям — честь, благородство, достоинство? Еще совсем недавно у меня самого тоже были, как бы сказать помягче, слегка исковерканные представления об этом. Например, когда прочитал статью в «Огоньке» о жене Калинина, о том, что она отсидела 18 лет в лагерях, выстригала вшей, знаете,

лет? Потому что они в своем мировосприятии дети. Они внутренне свободны. Им говорят: так нельзя, это противоречит всем существующим научным законам. А они говорят: а я попробую. И совершают гениальные открытия. Так и актер — он должен воспринимать мир непосредственно, незамутненно, свободно от житейского опыта, иначе — смерть. Но потом эта неразборчивая доброта стала меня как-то смущать. Показалось, что такая доброта сильно смахивает на ложное мировосприятие Луки. И тогда я стал думать, как не утратить доброты отношения к людям, оставаться самим собой, не потерять собственного достоинства. Как не подделываться, как не подстраиваться? Как на профсоюзном собрании оторваться от стула, пройти на каменных ногах к трибуне и сказать: вы врете. Когда мы будем